

АНАЛИЗЪ ИДЕИ ПРОСТРАНСТВА.¹⁾

3. Генезисъ „зрительнаго“ пространства.

Всѣ,—и эмпирики, и нативисты, и генетисты, — согласны въ томъ, что зрительное пространство гораздо отчетливѣе осязательнаго и что, именно въ силу этого, первое у того, кто имъ обладаетъ, является какъ бы сокращеннымъ выраженіемъ второго, его *символомъ и замѣстителемъ*.

Это понятно, конечно. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь наше зрѣніе охватываетъ разомъ или, по крайней мѣрѣ, съ такою быстротою, которую можно разсматривать почти какъ одновременность, множество сосуществующихъ положеній и поэтому у нормально организованнаго человѣка естественно получаетъ руководящее значеніе, „повелительное вліяніе“, какъ выражается Бэнъ ²⁾, при выработкѣ пространственныхъ представлений, которымъ и сообщаетъ признакъ одновременности, переносимый нами съ зрительныхъ воспріятій на осязательныя.

Однако, сходясь въ этомъ общемъ взглядѣ, эмпирики и нативисты при объясненіи генезиса зрительнаго пространства расходятся точно такъ же, какъ при истолкованіи пространства осязательнаго: для первыхъ и зрительное пространство *построивается* и именно съ помощію показаній того же мышечнаго чувства или чувства мускульнаго усилія, которыя, какъ мы видѣли, имѣютъ такое важное значеніе въ ихъ теоріи осязательнаго пространства,—тогда какъ для нативистовъ зрительное пространство въ основныхъ элементахъ

¹⁾ Продолженіе. См. мартовскую книгу *Богословскаго Вѣстника*.

²⁾ У Милля, *op. cit.*, стр. 221.

дано раньше всякаго опыта, непосредственно извѣстно и притомъ прежде и яснѣе осязательнаго.

При изслѣдованіи генезиса осязательнаго пространства мы начинали изложеніемъ и критикою эмпиризма. Но при анализѣ зрительнаго пространства болѣе удобенъ обратный путь, такъ какъ тезисъ нативизма, въ своей чистой формѣ, здѣсь болѣе открытъ для возраженій, поправокъ и дополненій.

Основную мысль теоріи нативизма мы находимъ опять таки у его горячаго поборника, Іоганна Мюллера, и опять въ нѣсколько грубоватой формѣ: „ретина“,—такова его основная мысль,—„чувствуетъ (?) свою собственную протяженность или свое положеніе въ пространствѣ и на основаніи этого непосредственнаго, заложеннаго въ самой нашей психо-физической организаціи, врожденнаго знанія, способна воспринимать пространственныя отношенія также и внѣ себя“. Этотъ взглядъ,—конечно, не въ той же формѣ, но въ томъ же, въ сущности, направленіи,—развивали очень и очень многіе психологи ¹⁾. Всѣмъ имъ обще то, что они надѣляютъ ретину, — одни въ болѣеи степени, другіе въ меньшей,—врожденною специфическою способностью непосредственно воспринимать протяженность, цвѣтъ, форму и т. д., причемъ,—и это особенно характеристично для теоріи,—мускульнымъ чувствованіямъ не усвоится въ процессѣ никакой или почти никакой роли. Такимъ образомъ, воспріятіе пространства является у нихъ „феноменомъ чисто оптическимъ“. Особенное значеніе при раскрытіи этого своего тезиса они придаютъ тому общеизвѣстному факту, что въ нашемъ воспріятіи цвѣтъ данъ всегда неразрывно и нераздѣльно съ протяженіемъ, такъ что воспріятіе цвѣта всегда и необходимо уже включаетъ въ себя воспріятіе протяженія, которое такимъ образомъ,—выводятъ нативисты изъ этого факта,—дано намъ непосредственно и интуитивно. „Весьма легко показать“, — пишетъ, наприм., одинъ изъ представителей этой точки зрѣнія на вопросъ,—„что воспріятіе цвѣта включаетъ въ себя воспріятіе протяженія. Признано, что мы получаемъ помощью зрѣнія воспріятіе цвѣтовъ, слѣдовательно и воспріятіе разницы между цвѣтами. Но воспріятіе различія цвѣтовъ необходимо включаетъ въ себя воспріятіе нѣкоторой

¹⁾ См. у Рибо, *op. cit.*, и у проф. Челпанова, *op. cit.*

различительной черты; ибо если одинъ цвѣтъ, одна краска будетъ положена рядомъ съ другою или на другой, то мы различаемъ ихъ, какъ разныя только помощію воспріятія, что онѣ граничатъ одна съ другою, и это граниченіе необходимо доставляетъ нѣкоторую, не имѣющую ширины, демаркаціонную линію. Въ самомъ дѣлѣ, одинъ цвѣтъ, наложенный на другой, даетъ вѣдь нѣкоторую линію, возвращающуюся на себя, т. е. нѣкоторую фигуру. Но линія и фигура суть видоизмѣненія протяженія. Поэтому, воспріятіе протяженія необходимо дано въ воспріятіи цвѣтовъ“¹⁾.

Таковъ, въ чистой формѣ, тезисъ нативизма.

Не трудно, однакоже, замѣтить въ немъ легко уязвимый и совершенно открытый для возраженій пунктъ.

Эмпирики безусловно правы, когда, въ виду только что приведеннаго нами положенія нативистовъ, замѣчаютъ, что зрительныя воспріятія пространства осуществляются, у нормально организованнаго существа, отнюдь не оптически только, не посредствомъ т. е. одного зрѣнія, но и съ помощію той сложной системы мышечныхъ перемѣщеній и приспособленій зрительнаго аппарата, которая нерасторжимо тѣсно связана со специальнымъ оптическимъ процессомъ. Правда,—развиваютъ они это свое возраженіе,—„даже и не двигая глазомъ, мы способны имѣть разомъ два цвѣтовыхъ ощущенія и слѣдовательно воспринимать рубежъ между ними“. Но, во-первыхъ, безъ помощи мышечныхъ ощущеній это воспріятіе границы между двумя цвѣтами было бы весьма смутно и совсѣмъ не отчетливо, такъ какъ „глазъ, неподвижно остановленный въ одномъ направленіи, можетъ доставлять полное и ясное видѣніе только весьма незначительной доли пространства, именно той доли, на которую прямо направлена глазная ось, и—лишь блѣдное, неясное и неотчетливое видѣніе другихъ смежныхъ пунктовъ“: чтобы получить отчетливое воспріятіе протяженія или поверхности, нужно *приспособлять* глазъ т. е. именно употреблять мускульныя усилія, которыя, такимъ образомъ, и въ зрительномъ пространствѣ оказываются очень важнымъ факторомъ процесса. Во-вторыхъ, зрѣніе само по себѣ, т. е. если мы не отнесемъ его показаній къ чему нибудь такому, простран-

¹⁾ См. у Милля, *Обзоръ философіи Гамильтона*, стр. 225.

ственная природа чего намъ уже заранѣе извѣстна,—зрѣніе, при такомъ условіи, совсѣмъ не давало бы намъ даже и понятія внѣшности, напримѣръ внѣшняго подлѣположенія цвѣтовъ: для этого необходимъ нѣкоторый добавочный фактъ, а именно, увѣренность, что, если мы, наприм., станемъ двигать рукою или вообще выполнимъ какое либо другое движеніе, то найдемъ разницу въ положеніи тѣхъ или другихъ, собственно зрительныхъ, воспріятій, а если мы не увѣрены въ этой возможности, то пространство для насъ, строго говоря, и не существуетъ вовсе, такъ какъ мы, вѣдь, можемъ истолковывать, въ этомъ случаѣ, и свои зрительныя воспріятія подобно, напримѣръ, слуховымъ въ смыслѣ внѣпространственныхъ. Вообще, — такъ формулируетъ, напримѣръ, Милль, свои возраженія противъ нативизма,—зрѣніе само по себѣ, независимо отъ ощущеній мышечнаго сокращенія, не даетъ намъ понятія о внѣшнемъ подлѣположеніи, такъ что и зрительное воспріятіе пространства, строго говоря, есть не „непосредственное и интуитивное познаніе“, но „выводъ“ ¹⁾).

Мы сказали уже, что признаемъ поправку эмпириковъ къ тезису нативистовъ,—въ томъ объемѣ и въ той формѣ, въ какихъ она только что нами изложена,—совершенно основательною. Но если это такъ, то рѣшенія занимающаго насъ вопроса, очевидно, нужно искать уже не исключительно въ нативизмѣ и не исключительно въ эмпиризмѣ, но въ теоріяхъ *смѣшанныхъ*.

Такихъ теорій существуетъ два типа: соглашеніе между нативизмомъ и эмпиризмомъ думаютъ достигнуть *или* на *эволюціонно-эмпирической* почвѣ, съ помощью закона наслѣдственности, *или*—на *эволюціонно-логической*.

На первой точкѣ зрѣнія стоятъ *генетисты-эмпирики*, главнымъ представителемъ который служитъ Спенсеръ; на второй—*генетисты-логисты*, типичными выразителями точки зрѣнія которыхъ являются Гельмгольцъ и Риль.

Спенсеръ опредѣляетъ пространство какъ „безконечное число сосуществующихъ положеній“. Въ этомъ опредѣленіи два элемента: а) понятіе относительнаго *положенія* и б) понятіе *безконечности* такихъ положеній.

¹⁾ *Ibid.*, стр. 217—233.

Откуда мы получаемъ эти понятія и прежде всего—понятіе „сосуществующихъ положеній“? Оно дается намъ зрѣніемъ, какъ бы врождено ему,—отвѣчаетъ Спенсеръ, очевидно. въ данномъ моментѣ всецѣло примыкая къ нативистамъ. Особенность зрѣнія,—комментируетъ онъ свой тезисъ,—состоитъ въ томъ, что оно позволяетъ намъ сознать, въ больше или меньшей степени, множество вещей *заразъ*. Остановивъ свой взоръ на какомъ нибудь предметѣ въ комнатѣ, я въ то же время, хотя и не такъ отчетливо, воспринимаю и другіе предметы въ той же комнатѣ. Эта особенность зрѣнія,—продолжаетъ Спенсеръ,—„очевидно, обязана своимъ существованіемъ особенному строенію сѣтчатки“, именно способности ея элементовъ къ синхронистическому возбужденію. Всѣмъ извѣстенъ тотъ фактъ, что зрительныя впечатлѣнія продолжаютъ существовать нѣкоторое время и послѣ того, какъ они произведены. Вслѣдствіе этого, когда элементы сѣтчатки возбуждаются въ очень быстрой послѣдовательности, то одно возбужденіе не успѣетъ еще исчезнуть, какъ уже началось другое. Такимъ то именно образомъ и объясняется, по Спенсеру, зрительное воспріятіе вѣшняго подлѣположенія пространственныхъ элементовъ. Процессъ становится еще понятнѣе, если изображеніе линіи или предмета разомъ умѣщается на сѣтчаткѣ: тогда возбужденіе пространственныхъ элементовъ бываетъ, въ строгомъ смыслѣ, одновременнымъ. Каждое наличное воспріятіе сосуществованія связано съ болѣе или менѣе смутнымъ воспріятіемъ другихъ сосуществованій, откуда именно и возникаетъ у насъ, по Спенсеру, идея относительнаго пространственнаго положенія.

Но откуда, теперь,—спрашивается далѣе,—берется у насъ второй элементъ приведеннаго выше опредѣленія пространства т. е. идея безконечности, безконечнаго числа сосуществующихъ положеній? При отвѣтѣ на этотъ вопросъ Спенсеръ съ точки зрѣнія нативизма уже переходитъ на точку зрѣнія эмпиризма: „изъ мускульнаго чувства“,—такъ гласить его отвѣтъ. Идея безконечнаго числа сосуществующихъ положеній, по Спенсеру, есть не что иное, какъ идея *возможныхъ* положеній, сливающаяся съ чувствомъ свободы для движенія и, такъ какъ возможность такихъ относительныхъ положеній совершенно неопредѣленна или, иначе, без-

гранична, то, съ его точки зрѣнія, именно эта идея безграничной возможности „образуетъ остальную составную часть нашего понятія о пространствѣ“, т. е. идею безконечности.

Такимъ образомъ, въ составъ нашего развитаго зрительнаго пространства входятъ разнородные элементы. Какимъ же, спрашивается теперь, образомъ изъ нихъ вырабатывается нами *одна и однородная идея*? Въ силу закона наслѣдственности,—отвѣчаетъ Спенсеръ: именно этотъ законъ конденсируетъ, въ ряду преемственныхъ поколѣній, различныя формы ассоціаціи элементовъ пространственной идей, сливая ихъ во едино. Опыты предковъ, присутствующіе въ потенциальной формѣ въ нашихъ оптическихъ, мускульныхъ и нервныхъ аппаратахъ, равно какъ и въ нашихъ процессахъ сознанія,—именно они, по Спенсеру, превращаютъ, какъ бы претворяютъ разнообразныя пространственныя воспріятія, зрительныя и осязательныя, въ одну „консидерированную идею о пространствѣ во всемъ его цѣломъ“, которую притомъ,—такъ какъ ея образованіе, отступающее въ даль безконечныхъ рядовъ предковъ, лежитъ внѣ предѣловъ нашего сознанія,—мы естественно считаемъ „необходимою и безусловною интуиціею“, совершенно забывая объ ея эмпирическомъ происхожденіи.

Тѣмъ же факторомъ (закономъ наслѣдственности), по Спенсеру, объясняются и всѣ разнообразныя „приспособленія“ (зрительныхъ пространственныхъ воспріятій къ осязательнымъ, пространственныхъ представленій къ реальнымъ пространственнымъ отношеніямъ и т. д.), такъ что наши пространственныя представленія, долженствующія раскрыться подъ вліяніемъ опыта, въ главныхъ чертахъ „уже заранѣе опредѣлены унаслѣдованнымъ нами (психо-физическимъ) устройствомъ“, *почему и сознаются нами съ характеромъ принудительности и необходимости.*

Къ этому же источнику Спенсеръ сводитъ и всѣ, такъ называемыя, аксіомы геометріи. Вотъ чрезвычайно характерная, для пониманія сущности его ученія по занимающему насъ вопросу, страница:

„Когда мы глядимъ на сегментъ какого-либо круга“,—пишетъ Спенсеръ,—„то изображеніе, бросаемое имъ на сѣтчатку, необходимо будетъ таково, что дуга покроетъ большее число элементовъ сѣтчатки, чѣмъ хорда. А такъ какъ каж-

дый изъ этихъ элементовъ доставляетъ сознанию свое особое впечатлѣнiе, то рядъ впечатлѣнiй, произведенныхъ дугою, почувствуется какъ болѣе обширный, чѣмъ рядъ впечатлѣнiй, произведенныхъ хордою. Это обстоятельство будетъ продолжаться имѣть мѣсто, какъ бы ни сплющивалась дуга: до тѣхъ поръ, пока эта дуга будетъ имѣть сколько нибудь замѣтную кривизну, она будетъ ощущаться, какъ болѣшая, чѣмъ хорда, соединяющая ея оконечности. Параллельные результаты получаются и изъ дѣятельности глазныхъ мускуловъ. Движенiе глазъ по линiи дуги доставляетъ сознанию болѣе количество ощущенiй, чѣмъ движенiе глазъ вдоль по хордѣ этой дуги. По мѣрѣ того, какъ кривая сплющивается, это различiе уменьшается, но нѣкоторая часть его все-таки остается до тѣхъ самыхъ поръ, пока кривизна продолжаетъ быть сколько нибудь замѣтною. Такимъ образомъ, *истина, что прямая линiя есть кратчайшее разстоянiе между двумя точками, лежитъ въ скрытомъ состоянiи въ строенiи глазъ и тѣхъ нервныхъ центровъ, которые получаютъ и координируютъ зрительныя впечатлѣнiя.* Мы не можемъ думать иначе, потому что, въ продолженiе того приспособленiя между организмомъ и средою, которое устанавливалось развитiемъ, *внутреннiя отношенiя до такой степени выльпились во внѣшнiе, что никакое усиленiе не въ состоянiи заставить ихъ теперь не соответствовать внѣшнимъ отношенiямъ.* Подобно тому, какъ рука ребенка устроенная такъ, чтобы схватить посредствомъ сжиманiя пальцевъ внутрь, предполагаетъ руки предковъ, которыя схватывали такимъ же образомъ, и предполагаетъ объекты въ средѣ, которые могутъ быть схватываемы этою дѣтскою рукою, когда она разовьется,—такъ точно и разнообразные аппараты, дѣлающiе ребенка способнымъ къ постиженiю пространственныхъ отношенiй, предполагаютъ такiя постиженiя и въ прошедшемъ, у его предковъ, и въ будущемъ, у него самого. И подобно тому, какъ для руки стало невозможнымъ схватывать посредствомъ сгибанiя пальцевъ не внутрь, а кнаружи, такъ точно стадо невозможнымъ и для тѣхъ нервныхъ дѣятелей, посредствомъ которыхъ мы постигаемъ первоначально пространственныя отношенiя, быть извращеннымъ такимъ образомъ, чтобы сдѣлать насъ способными думать объ этихъ отношенiяхъ иначе, чѣмъ мы думаемъ объ нихъ“.

Какъ видимъ, здѣсь предъ нами чистѣйшій эволюціонный ассоціанизмъ. Тѣмъ не менѣе Спенсеръ предвидитъ, что его, достаточно-таки эклектическое, ученіе о пространствѣ будутъ сближать, а можетъ быть и смѣшивать, и съ Лейбницевскимъ (по признаку совпаденія субъективнаго и объективнаго порядковъ, какъ бы своего рода specialнаго случая *предустановленной гармоніи*) и съ Кантовскимъ (по признаку *врожденности интуитивнаго* познанія о пространствѣ). Но онъ предупреждаетъ отъ такого смѣшенія и, хотя признаетъ долю истины и въ ученіи о „предустановленной гармоніи“ и въ ученіи о „формахъ интуиціи“, однакоже думаетъ,—и справедливо, конечно,—что его собственная теорія пространства не совпадаетъ ни съ Лейбницевскою ни съ Кантовскою.

Оригинальность ея, по его собственному истолкованію, состоитъ именно въ томъ, что по ея смыслу, пространственное *a priori* для индивидуума есть въ тоже время *a posteriori* „для всей той цѣпи индивидуумовъ, которой онъ (каждый отдѣльный индивидуумъ) составляетъ послѣднее звено“.

Такова, въ существенныхъ чартахъ, Спенсеровъ теорія генезиса зрительнаго пространства ¹⁾.

Повидимому, Спенсеръ благополучно прошелъ между всѣми подводными камнями въ вопросѣ и удачно примирилъ крайности эмпиризма и нативизма. Однако, не трудно замѣтить, что въ его теоріи мы имѣемъ предъ собою лишь одно изъ наиболѣе яркихъ проявленій того, характеризующаго всю вообще эволюціонную психологію, недостатка, благодаря которому искомое рѣшеніе вопроса сводится, въ сущности, лишь къ его *перестановкѣ*,—къ перестановкѣ въ даль прошлаго, доступнаго лишь косвенному изученію, и потому въ условія неопредѣленнаго.

Наше индивидуальное *a priori*,—говорятъ намъ,—есть лишь *a posteriori* для нашихъ предковъ. Пусть такъ! Но въ такомъ случаѣ у нихъ-то процессъ выработки пространственныхъ представленій, вѣдь, долженъ былъ начаться безъ всякаго субъективнаго *prins'a*, безъ всякаго формующаго фактора: такъ что ли?.. Но тогда для чего же нужно было придумывать ту сложную теорію, съ которою подходитъ къ во-

¹⁾ *Основанія психологіи*, Спб. 1876. Томъ III, стр. 192—205.

просу остроумный представитель философскаго эволюціонизма? Вѣдь если, въ самомъ дѣлѣ, хотя бы у отдаленнѣйшихъ предковъ, возникновеніе и выработка пространственныхъ представленій была возможна и фактически осуществлялась безъ всякаго а priori, тогда ужъ будемъ послѣдовательны и отдадимъ справедливость схемѣ чистаго эмпиризма, во всякомъ случаѣ, имѣющей за собою преимущество простоты!

Въ своемъ *Ученіи о категоріяхъ* Эдуардъ фонъ-Гартманъ, съ присущею ему проницательностію, по этому поводу замѣчаетъ слѣдующее:

„Охотно можно признать, что на пути постепеннаго развитія возможна болѣе тонкая выработка пространственнаго созерцанія, но—лишь при томъ предположеніи, что оно, хотя бы лишь въ неопредѣленныхъ и грубыхъ очертаніяхъ, уже существуетъ. Однако, въ такомъ случаѣ, то, что подлежитъ объясненію, въ принципѣ, вѣдь, уже предполагается. Объясненіе перехода отъ непосредственнаго ощущенія къ пространственному созерцанію ни въ коемъ случаѣ не становится легче отъ того, что отъ хорошо развитой системы тонко выработанныхъ мѣстныхъ законовъ, въ осязательныхъ и двигательныхъ ощущеніяхъ, мы возвращаемся къ бѣдному первобытному комплексу неопредѣленныхъ и грубыхъ эмоціональныхъ различій: скорѣе совершенно наоборотъ—этимъ шагомъ назадъ объясненіе лишь затрудняется. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь богатое и тонко развитое многообразіе скорѣе способно побуждать насъ къ переходу отъ ощущенія къ созерцанію, чѣмъ бѣдное и содержащее сравнительно лишь немногія различія“ ¹⁾.

Къ этому слѣдуетъ прибавить и еще одно критическое замѣчаніе, примѣнительно къ ближайшей задачѣ нашего изслѣдованія:

Такъ какъ понятія а priori и а posteriori у Спенсера, по его собственному объясненію, совершенно условны и крайне подвижны, такъ что рѣшительно невозможно указать, гдѣ въ процессѣ кончается одно и начинается другое, и такъ какъ, съ другой стороны, вводимый имъ въ объясненіе принципъ наслѣдственности, объясняя намъ *какъ* процесса (за-

¹⁾ *Kategorienlehre* (Leipzig, 1896), ss. 115—116.

крѣпленіе выработанныхъ уже элементовъ пространственной идеи и ихъ передачу), однако-же, по самому существу дѣла, не способенъ объяснить *что* процесса (то-есть откуда именно берутся закрѣпляемые элементы), а слѣдовательно, способенъ объяснить и самые первые ростки идеи: то, очевидно, гипотеза Спенсера очень мало приближаетъ насъ къ рѣшенію того вопроса, который составляетъ теперь для насъ преимущественный и специальный интересъ,—то-есть вопроса о *природѣ фактора*, формующаго отвѣтъ и а posteriori данные элементы пространственной идеи.

Итакъ, Спенсеровское объясненіе генезиса пространственной идеи, при всемъ своемъ остроуміи, невольно предрасполагающемъ въ его пользу, въ концѣ концовъ, не можетъ удовлетворить насъ, такъ какъ:

1) Не рѣшаетъ вопросъ, но лишь отодвигаетъ его въ неопредѣленную даль.

2) Замѣняетъ,—что мѣтко указано Гартманомъ,—болѣе надежный методъ *прямыхъ* выводовъ изъ данныхъ самонаблюденія надъ развитыми и выработанными пространственными представленіями несравненно менѣе надежными *косвенными* заключеніями, на основаніи принципа эволюціи.

3) Оставляетъ, въ сущности, открытымъ вопросъ о внутренней природѣ формующаго фактора, самаго важнаго въ выработкѣ пространственныхъ представленій.

Намъ необходимо, слѣдовательно, сдѣлавъ еще разъ перестановку вопроса, продолжить наши поиски,—теперь уже въ другомъ направленіи, именно въ намѣченномъ уже нами выше направленіи объ руку съ *генетистами-логистами* (Гельмгольцъ—Риль).

Сущность этого направленія заключается въ томъ, что постановка пространства,—и какъ общей схемы (трехмѣрное протяженіе), и въ ея элементахъ (направленіе, линейное протяженіе и т. д.),—разсматривается здѣсь въ смыслѣ результата сложнаго процесса *умозаключеній*, то произвольно-бессознательныхъ, то свободно-сознательныхъ.

Гельмгольцъ, инициаторъ характеризуемаго нами теперь направленія, кладетъ удареніе на *бессознательности* умозаключеній, съ помощью которыхъ совершается постановка пространства, и притомъ удареніе настолько сильное, что вся его гипотеза, именно вслѣдствіе этого, не безъ основанія

сближается иногда съ гипотезами эмпириковъ - ассоціанистовъ ¹⁾, съ которыми у него, дѣйствительно, много общаго даже въ самых терминахъ и приемахъ аргументаціи.

Я чувствую зрительное впечатлѣніе съ *правой* стороны обѣихъ ретинъ и, путемъ многократно-повторныхъ опытовъ, узнаю, что *направо* отъ меня находится свѣтящееся тѣло, такъ какъ мнѣ нужно, наприм., двинуть рукою *влѣво*, чтобы взять этотъ предметъ, или перейти *влѣво*, чтобы къ нему приблизиться. Здѣсь, по истолкованію Гельмгольца, предъ нами именно типичный случай безсознательныхъ умозаключеній, вообще такихъ первичныхъ процессовъ,—какъ бы мы ихъ ни называли: безсознательныя умозаключенія, ассоціативныя сліянія и т. д.,—которые скользятъ отъ нашего ближайшаго анализа, скрываясь въ недоступныхъ изслѣдованію тайникахъ досознательной жизни духа. Мы знаемъ не самый схематизмъ процессовъ, глубоко сокрытый отъ насъ, но лишь ихъ результатъ, и именно—двойкій результатъ: всякое зрительное впечатлѣніе, благодаря сопровождающимъ его „мѣстнымъ знакамъ“ и мускульнымъ усиліямъ, производитъ опредѣленное, направленное къ его локализациі, измѣненіе сенсоріума (первая группа фактовъ, иннервационныя чувствованія); на основаніи дополнительныхъ показаній осязанія (движеній глазнаго яблока, вообще тѣла, различныхъ экспериментальныхъ приемовъ и т. д.) мы опредѣляемъ *причину* этого измѣненія въ нашемъ сенсоріумѣ (вторая группа фактовъ). Вотъ два порядка фактовъ, которые, *путемъ безсознательныхъ умозаключеній*, связываются нами въ одно цѣлое, образуя первично-смутный зародышъ пространственнаго созерцанія.

Такимъ образомъ, Гельмгольцъ почти всецѣло удерживается еще на эмпирической почвѣ и мы могли бы, безъ всякихъ оговорокъ, рубрицировать его, какъ именно „эмпирика“, если бы только, своимъ ученіемъ объ апріорности (въ Кантовскомъ смыслѣ) категоріи причинности, по которой мы безсознательно заключаемъ отъ своихъ пространственныхъ ощущеній, воспріятій, и представленій къ ихъ объективному корреляту, онъ не заставлялъ насъ проводить глубокую черту различія между его теоріею и теоріею эмпириковъ, рѣшитель-

¹⁾ Рибо, *Совр. герм. психологія*, стр. 112 (по русс. пр.).

но обособляя его отъ этихъ послѣднихъ, какъ именно генетиста-логиста.

Вводимое Гельмгольцемъ въ его объяснительную гипотезу генезиса пространства понятіе безсознательныхъ умозаключеній многихъ, и не безъ основанія, смущало.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, понятія „безсознательности“ и „умозаключенія“ исключаютъ другъ друга: если ужъ „умозаключенія“, то не „безсознательныя“, а если мы дѣйствительно имѣемъ дѣло съ процессами „безсознательными“,—тогда зачѣмъ-же квалифицировать ихъ, какъ именно „умозаключенія“?.. Но это недоумѣніе исчезло-бы въ томъ случаѣ, если-бы мы замѣнили слово „умозаключеніе“ словомъ „активность“, въ отбѣненіи которой, въ противовѣсъ чистой рецептивности процесса, молчаливо предполагаемой многими теоретиками-психологами, какъ намъ кажется, именно и заключался для Гельмгольца центръ тяжести его объяснительной гипотезы. Представляютъ иногда дѣло такъ, какъ будто объективное пространство *отражается* въ нашей воспримчивости, какъ въ зеркалѣ. Но это не такъ,—хочетъ сказать своею гипотезою Гельмгольцъ: каждая пространственная точка ставится нами *активно*,—чрезъ живую, подвижную и отзывчивую переработку поступающаго отъ нея сыраго матеріала. Психологическій механизмъ зрѣнія даетъ намъ,—именно въ сыромъ, необработанномъ видѣ, —бесконечное множество строительныхъ элементовъ, различающихся между собою интенсивностію, качествомъ (красное, зеленое и т. д.) и относительнымъ положеніемъ на ретинѣ („мѣстные знаки“). Опираясь на чувство иннерваціи, которою сопровождается работа глазныхъ мускуловъ, захваченныхъ извѣстными зрительными возбужденіями, мы самостоятельно-активно перерабатываемъ весь поступающій въ наше распоряженіе матеріалъ въ одну, такъ сказать мозаично-точечную, пространственную ткань, такъ что ни одна точка не „отражается“ въ нашей воспримчивости чисто страдательно, но каждая ставится нами самими и именно на томъ самомъ мѣстѣ, какое ей свойственно, по соотношенію съ другими. Вотъ что, по нашему пониманію, *хотѣлъ* сказать Гельмгольцъ своею гипотезою „безсознательныхъ умозаключеній“. Не будемъ, поэтому, настаивать на его формулѣ, но удержимъ его плодотворную мысль,—какъ видимъ, вытекающую изъ

вѣрнаго пониманія души въ смыслѣ начала самостоятельно-самодѣятельнаго, даже и въ такомъ, повидимому, чисто механическомъ процессѣ, каково „воспріятіе“ пространственности.

Впрочемъ, если не въ строгомъ и собственномъ смыслѣ логически-отчетливыхъ пространственныхъ постановокъ, то въ смыслѣ *тенденціи* къ нимъ, въ смыслѣ элементарныхъ и первоначально еще слабо сознаваемыхъ, еле-сознаваемыхъ, полу-сознательныхъ постановокъ, подлежащихъ дальнѣйшему сознательному исправленію, выполняемому нами въ теченіе всей нашей жизни,—въ *такомъ* смыслѣ столь многихъ смущающее понятіе „безсознательныхъ умозаключеній“ могло бы быть, какъ намъ кажется, удержано. Въ немъ, въ самомъ дѣлѣ, мы имѣемъ ярко и съ подчеркиваніемъ,—пусть и не вполне точно,—намѣченную исходную точку реального процесса образованія пространства и вмѣстѣ правильно взятую точку отправленія объяснительной гипотезы, отъ которой (точки) *въ прямой линіи* мы можемъ итти, въ своихъ поискахъ относительно природы организующаго фактора, дальше: тутъ предъ нами, положимъ, еще не рѣшеніе вопроса, но уже его *предрѣшеніе* ¹⁾.

Если, принявъ за точку отправленія теорію Гельмгольца о самостоятельно - активной, чрезъ еле-сознаваемые умозаключенія, по категоріи причинности, постановкѣ человѣкомъ пространственной схемы и ея деталей, мы продолжимъ отъ нея прямую линію вверхъ, къ теоріямъ, разрабатывающимъ его объяснительный принципъ дальше, то теорія *Риля*, опирающагося на Вундта и Гельмгольца, обозначить именно ту точку, которою опредѣляется направленіе этой линіи, ведущей къ теоріямъ уже не еле-сознательныхъ, но вполне сознательныхъ умозаключеній.

Изъ всѣхъ нашихъ ощущеній, — такова сущность теоріи Риля,—только со *свѣтовыми* непосредственно связано воспріятіе пространственнаго протяженія, вслѣдствіе чего пространство должно быть опредѣлено не какъ „специфическая форма виѣшняго чувства“ и не какъ „форма чувственности“,

¹⁾ Ученіе Гельмгольца изложено въ его извѣстной *Физиологической оптикѣ*, но также и въ другихъ трудахъ. См. о немъ монографію проф. Челпанова въ *Вопросахъ Философіи и Психологіи*, кн. X („Гельмгольцъ, какъ философъ и психологъ“) и въ его-же, цитованномъ уже нами, сочиненіи *Проблема воспріятія пространства*.

но именно какъ „специфическая форма свѣтовыхъ ощущеній“ и—ихъ только: только здѣсь одновременное совпадаетъ съ протяженнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, аргументируетъ Риль, тоны, запахи, ощущенія сопротивленія, шароховатости, гладкости и т. д.,—все это мы можемъ представлять себѣ и какъ чистыя интензивности опредѣленнаго качества. Но свѣтовые ощущенія мы необходимо должны проэктировать въ пространство, именно какъ опредѣленные протяженности. Между интензивностью свѣтового ощущенія и его экстензивностью существуетъ постоянная связь. Всѣмъ извѣстно, напримѣръ, что ярко освѣщенная комната кажется намъ больше, чѣмъ освѣщенная слабо, равно какъ обитая свѣтлыми обоями больше, чѣмъ темными. Риль думаетъ, что здѣсь мы стоимъ предъ фактомъ первичнымъ, — предъ фактомъ возрастанія экстензивности свѣтового ощущенія прямо пропорціонально его интензивности.

Ясно, что Риль пока еще удерживается всецѣло на точкѣ зрѣнія нативистовъ, по ученію которыхъ, какъ мы уже знаемъ, нельзя представить ни свѣтъ (цвѣтъ) безъ протяженія, ни протяженіе безъ цвѣтной окраски. Отсюда Риль, совершенно въ духѣ нативизма, дѣлаетъ тотъ выводъ, что свѣтовое ощущеніе есть „субъективная основа представленія о пространствѣ“ или „специфическій признакъ, отличающій пространство отъ всѣхъ остальныхъ, дѣйствительныхъ или только мыслимыхъ (воображаемыхъ) порядковъ одновременности, признакъ непосредственнаго внѣшняго подлѣположенія представляемыхъ въ немъ частей“ и—далѣе—утверждаетъ, что „уже одно ощущеніе ясности (свѣта и цвѣта), помимо всякихъ даянѣйшихъ опытовъ, даетъ перцепцію протяженія, каковая перцепція не связана ни съ однимъ изъ остальныхъ ощущеній“ ¹⁾.

Однако, эта специфическая основа протяженности еще нуждается, по Риллю, для своего проявленія во вспомогательныхъ процессахъ и именно въ процессахъ *логической* природы. И прежде всего, вѣдь зрительныя воспріятія и основанныя на нихъ пространственныя представленія непосредственно образуютъ континуумъ, очевидно, *только лишь*

¹⁾ Riehl, *Der philosophische Kriticismus*, II, 1. S. 150 und. folg.

о *двухъ измѣреніяхъ*,—плоскость. Третьяго измѣренія, глубины, въ нихъ непосредственно не дано и, слѣдовательно, оно есть позднѣйшій продуктъ: отчасти ассоціативныхъ сліяній зрительныхъ ощущеній съ другими, отчасти именно ихъ логической переработки.

Очень важное, существенное и необходимое, значеніе имѣютъ при этомъ,—здѣсь Риль сближается съ эмпириками,—иннервационно-моторныя чувствованія. Одно зрѣніе, въ самомъ дѣлѣ, безъ помощи этихъ послѣднихъ, давало бы намъ, какъ мы знаемъ, лишь неполныя и несовершенныя знанія даже и о двухмѣрномъ протяженіи (о фигурѣ и проч.): только мало по малу, при помощи все тѣхъ-же иннервационно-моторныхъ чувствованій, которыми сопровождается движеніе глазного яблока, мы расчленяемъ и фиксируемъ первоначально смутныя воспріятія двухмѣрной зрительной пространственности. Такимъ образомъ, уже и здѣсь начинается та „умозаключающая дѣятельность“, на которую указалъ Гельмгольцъ. Съ теченіемъ же времени она становится все болѣе и болѣе точною и безошибочною, такъ что, въ концѣ концовъ, мы забываемъ о томъ, что процессы пространственныхъ постановокъ для своего совершенія требовали извѣстнаго, болѣе или менѣе продолжительнаго, времени и привыкаемъ думать, будто воспринимаемъ двухмѣрное пространство разомъ, тогда какъ, въ сущности, здѣсь предъ нами *выводъ*.

Тѣмъ болѣе, по Рилу, это справедливо относительно третьяго измѣренія. Я вижу предметъ, о которомъ, вслѣдствіе раннѣйшихъ опытовъ, знаю, что для того, чтобы я могъ его коснуться, должна пройти опредѣленная серія иннервационно-моторныхъ чувствованій, сопровождающихъ перемѣщеніе того или другого моего органа, или всего моего тѣла, чрезъ отдѣляющій меня отъ пространства предметъ. Такимъ образомъ, я *разомъ* и вижу предметъ, какъ начальный членъ ряда, и представляю его, какъ членъ конечный. Говоря иначе, предметъ, какъ пространственное воспріятіе, сосуществуетъ для моего сознанія съ представленіемъ его, измѣряемаго временемъ, разстоянія отъ меня. Въ моихъ наличныхъ пространственно-зрительныхъ воспріятіяхъ, слѣдовательно, уже включены, внесенныя въ него чрезъ рядъ еле замѣтныхъ умозаключеній, существующихъ въ моемъ сознаніи въ формѣ сокращенныхъ выводовъ или энтимемъ, которыя иногда при-

нимають форму механизованныхъ ассоціацій, — включены *ожиданія* моторныхъ опытовъ, уже бывшихъ и снова возможныхъ, необходимыхъ для пространственно-осязательной постановки предмета.

Такимъ образомъ, путемъ цѣлаго ряда умозаключеній, зрительное и осязательное пространство *перерабатываются* (логически) въ одно цѣлое,—въ одну схему, идею. Вотъ почему, несравненно ограниченнѣе и бѣднѣе должны быть представленія о пространственныхъ разстояніяхъ у слѣпцовъ, такъ какъ тѣ предметы, которые они помѣщаютъ отъ себя *ни нѣкоторомъ разстояніи*, у нихъ хранятся лишь въ воспоминаніи и, составляя послѣдній рядъ возможнаго осязательнаго опыта, не служатъ въ то же время, какъ это имѣетъ мѣсто у зрячихъ, и первымъ, уже даннымъ для зрѣнія, членомъ ряда.

Что воспріятіе разстоянія вообще, а третьяго измѣренія въ особенности есть именно выводъ,—это доказывается, по Рилу, многими фактами. И, во первыхъ, такъ какъ представленіе о разстояніи, какъ видно изъ только что изложенныхъ соображеній, первоначально возникаетъ у насъ изъ оцѣнки того временнаго промежутка, который долженъ быть употребленъ, чтобы достигнуть *видимаго* предмета *осязаніемъ*, и такъ какъ, съ другой стороны, мы несравненно чаще имѣемъ случай совершать подобныя измѣренія въ направленіи плоскостномъ, чѣмъ въ глубину, или высоту: то горизонтальныя перспективы и разстоянія мы обыкновенно оцѣниваемъ несравненно точнѣе. Вотъ почему, напримѣръ, очень высокія горы жителями равнины оцѣниваются въ отношеніи къ ихъ высотѣ удивительно ошибочно: онѣ *кажутся* имъ обыкновенно гораздо ниже, чѣмъ горнымъ жителямъ, и это именно потому, что послѣдніе, по собственному опыту отлично знаютъ ихъ высоту, такъ какъ знаютъ, сколько нужно употребить труда и времени, чтобы добраться до ихъ вершины, тогда какъ жители долины лишены этихъ опытовъ.

Эти и подобные факты, по справедливому замѣчанію Рила, ясно доказываютъ, что *третье измѣреніе совѣсть не дано въ нашемъ непосредственномъ воспріятіи или созерцаніи, но есть выводъ, болѣе или менѣе точный, но всегда приближительный*. Въ непосредственномъ созерцаніи даны лишь знаки, которые мы истолковываемъ, съ бѣльшимъ или меньшимъ иску-

ствомъ, смотря по своей, приобретаемой съ помощью иннервационно-моторныхъ чувствованій, опытности и вотъ почему особенно именно въ свои опредѣленія третьяго измѣренія мы всегда вносимъ много субъективныхъ примѣсей. Вотъ почему также иногда и съ закрытыми глазами мы образуемъ довольно точное представленіе о разстояніи и положеніи того или другого предмета, тогда какъ, наоборотъ, открытые глаза сплошь и рядомъ обманываютъ насъ относительно пространственныхъ оцѣнокъ. Значить, ужъ во всякомъ случаѣ, третье измѣреніе есть „феноменъ“ не только оптический, но и моторный.

Пространственная схема, съ точки зрѣнія Рилья, такимъ образомъ, ни въ коемъ случаѣ не есть величина абсолютная: напротивъ, она совершенно условна и подвижна. Построеніе пространственныхъ отношеній, въ самомъ дѣлѣ, идетъ и развивается рука объ руку съ нашимъ опытомъ, имѣя различные исходные пункты: отчасти въ зрительныхъ (спеціально цвѣтовыхъ и свѣтовыхъ, „оптическихъ“) ощущеніяхъ и воспріятіяхъ, отчасти—въ осязательныхъ (извѣстное уже намъ „осязательное пространство“). Но что-же именно,—спрашивается теперь,—вноситъ единство и связь въ эти разнообразныя опыты?.. На этотъ вопросъ, основной для насъ, Риль отвѣчаетъ такъ: вносить наше,—остающееся всегда формально тождественнымъ съ самимъ собою, какъ въ преимущественности, такъ и въ сосуществованіи своихъ ощущеній,—сознаніе, которое есть не что иное, какъ форма интеграціи всѣхъ воспринимаемыхъ нами различій въ мірѣ явленій ¹⁾. Оно-то именно, по Рилью, и сообщаетъ нашей идеѣ пространства характеръ единства и единичности.

Значить, на занимающій насъ теперь преимущественно вопросъ о природѣ фактора, формующаго разнородный, отвѣданный, пространственный матеріалъ, мы должны, въ смыслѣ Рилья, отвѣтить такъ: *категорія единства, которая сама, въ*

¹⁾ Ibid. S. 153. Unsere Constructionen der räumlichen Verhältnisse an der Hand der Erfahrung gehen von sehr verschiedenen Anfangspuncten aus. Was aber apriorii ihnen allen Einheit und Zusammenhang gibt und worauf sich unsere Ueberzeugung von der nothwendigen Einheit und Einzigkeit des Raumes gründet, ist unser in Raum und Zeit der Form nach identisches Bewusstsein,—die Form der Integration aller Unterschiede der Erscheinungen.

свою очередь, коренится въ единствѣ и тождествѣ нашего сознанія.

Конечно, теорія Рили не есть послѣднее слово науки по занимающему насъ вопросу. Но намъ всеже кажется, что, именно онъ, съ наибольшею отчетливостію и рѣшительностію, намѣтилъ ту вторую точку, которою, по прямой линіи отъ иниціатора Гельмгольца, опредѣляется направленіе въ современной разработкѣ вопроса, способное выполнить научно-плодотворный синтезъ опредѣлившихся въ его предшествовавшей исторіи идейныхъ противоположностей.

Если мы теперь, въ заключеніе нашего изслѣдованія вопроса о пространствѣ съ психологической точки зрѣнія, окинемъ общимъ взглядомъ пройденный путь и подведемъ общій итогъ, то онъ опредѣлится предъ нами въ формѣ слѣдующаго краткаго положенія:

Идея пространства происхожденія апріорно-апостеріорнаго, то-есть она образуется изъ апостеріорнаго, отвѣтъ даннаго, матеріала, но по апріорному закону или схемѣ и, именно, по выносимой нами изъ природы нашего сознанія категоріи единства, въ ея спеціальному для даннаго случая преломленіи.

Съ этой точки зрѣнія, можно сказать, что *пространство есть наше твореніе*, „продуктъ нашего творчества“, однако,—*твореніе не изъ ничего.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

Алексѣй Введенскій.
